

никаких приключений, которые сколько-нибудь были важны, редки, любопытны и могли хоть несколько занять читателя, а вся состоит она в повествовании о самых мелочах, ничего не значущих ездах, походах, службах и волокитах».²⁷

Сам Хомяков оправдывает обилие подробностей истинностью описываемых событий: «Я думаю, может быть, что причиняю в благосклонном читателе некоторое неудовольствие и скуку частыми повторениями о лагерях; но сего никак умолчать не можно, потому что сие происходило в самой сущности. И когда я пишу не выдуманное какое-либо повествование, то и за нужное почитаю с моей стороны подробно писать о всем том, что ни происходило».²⁸ На деле Хомяков отнюдь не всегда следует закону «истинности» повествования, если подразумевать под этим не только содержательную сторону. Несмотря на то что записки Болотова неоднократно им перерабатывались, причем в соответствии с определенной установкой, автор всегда проводит четкую границу между тем, что он видел лично и что знал из других источников, и избегает говорить о тех событиях, которые не могли быть ему известны. Например, в рассказе об одном из своих предков, включая внутренний монолог другого человека, Болотов объясняет, что именно в таком виде услышал его от одной пожилой родственницы.²⁹ Хомяков же в своем произведении постоянно превышает полномочия мемуариста, выступая как повествователь романа, который может быть свидетелем сразу нескольких, одновременно происходящих событий: «Теперь, оставя господина Ф... Б..., спешающего с деташементом своим на помощь господину С..., обратимся к подполковнику К...».³⁰

Но даже последовательно выдержанная истинность повествования, определяющая принадлежность текста к мемуарному жанру, еще не является, по мнению Болотова, достаточным основанием для обнародования этого текста: он должен либо содержать некие исключительные события (как мемуары исторического деятеля, например), либо выполнять дидактическую функцию (как мемуары самого Болотова).

Все записки Болотова — проповедь его жизненной философии. Он строит мемуары как доказательство действенности этой философии на примере собственной жизни. Этой установкой определяется и предполагаемый адресат произведения. Мемуары Болотова рассчитаны прежде всего на узкий круг лиц, которому автор осмеливается предложить свое завуалированное нравоучение. Они написаны в форме писем к вымышленному «любезному приятелю», который якобы побудил его «предпринять подобный труд»: «Вы уговорили и уверили меня, что в происшествиях, бывших со мною, и без того много кой-чего такого найдется, о чем можно писать и рассказывать и о чем как вам, так и потомкам моим, можно будет не без удовольствия и любопытства читать и слушать».³¹

²⁷ Мысли и беспристрастные суждения... С. 196.

²⁸ Хомяков П. З. Указ. соч. Ч. I. С. 15.

²⁹ Жизнь и приключения... Т. I. С. 14–15.

³⁰ Хомяков П. З. Указ. соч. Ч. I. С. 156.

³¹ Жизнь и приключения... Т. I. С. 3.